

ГЕОМЕТРИЯ ПУСТОТЫ

СЕРАФИМА РАСС

Серафима Расс

ГЕОМЕТРИЯ ПУСТОТЫ

«Автор»

2026

Расс С.

ГЕОМЕТРИЯ ПУСТОТЫ / С. Расс — «Автор», 2026

Обсидиан-Порт никогда не был прямым. Его дома крелятся над улицами, тела растут в стороны, а лица хранят следы наследственных деформаций, которыми здесь гордятся как знаком благословения. В этом городе уродство — норма, а симметрия считается болезнью. Элизабет Вейн родилась другой. Её лицо почти идеально ровное. Пальцы не срослись, позвоночник не искривлён, кожа осталась гладкой. Для окружающих это не красота, а приговор — «симметричный дефект», свидетельство чуждой природе ошибки. Мать пытается спасти дочь и отдаёт её цирку Жана-Поля, где из чужих тел делают зрелище, а из человеческого страха — товар. В клетке Элизабет должна стать живым доказательством того, что совершенство может быть уродливее любой деформации. Но пока город поклоняется искривлённой плоти, Элизабет начинает задаваться вопросом: кто на самом деле сломан — она или мир, который боится увидеть в себе прямую линию?

© Расс С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
ГЛАВА 1: ШЁЛКОВЫЙ САВАН	6
ГЛАВА 2: КОНТРАКТ ОТЧУЖДЕНИЯ	8
ГЛАВА 3: ЧЕРНАЯ ЛОЗА	10
ГЛАВА 4: БЕЗДЫХАННЫЕ УЗОРЫ	13
ГЛАВА 5: ТРЕСНУВШИЙ КУПОЛ	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Серафима Расс ГЕОМЕТРИЯ ПУСТОТЫ

Глава

ГЕОМЕТРИЯ ПУСТОТЫ

роман

Серафима Расс

Обсидиан-Порт никогда не был прямым.

ГЛАВА 1: ШЁЛКОВЫЙ САВАН

Запах карболки, влажной овечьей шерсти и кислого теста вьёлся в эти стены так глубоко, что казался самым воздухом. Гулкий стук кости о дощатый пол отмерял секунды: в углу комнаты мать снова уронила резную бусину, сбившись с ритма молитвы.

Свет керосиновой лампы дрожал на изгибах пожелтевших обоев, наклеенных внахлёст, волнами — так, чтобы ни один шов в доме не казался прямым. Элизабет замерла перед старым трюмо, осторожно распуская шёлковый бинт, стягивавший правую половину её лица.

С каждым витком прохладной ткани комната словно остывала. Тонкий шёлк, пропитанный цинковой мазью и сукровицей, неохотно отлипал от виска, оставляя на коже бледные розовые следы. Мать стояла у дверей, вжавшись худыми плечами в кривой дверной косяк, и судорожно перебирала чётки из китовой кости. Пальцы старухи были искривлены в знаменитый «тройной узел» — фаланги срослись под тупым углом ещё в колыбели, являя собой родовую гордость семьи Вейн и знак особого благоволения Небесного Свода.

— Не смотри так долго, дитя, — прошелестела мать, и её сухой голос дрогнул от суеверного ужаса. — Зеркало помнит всё. Если сквозь щели ставней кто-то из квартальных инспекторов увидит это... это стеклянное равенство...

Бинт соскользнул с пальцев и неслышно упал на полированную столешницу комода, чьи ножки были нарочно подпилены плотником так, чтобы мебель всегда стояла под наклоном. В мутном, покрытом ртутными оспинами стекле показалось лицо.

Ни единого нароста. Ни малейшего скоса нижней челюсти, ни вздёрнутой к виску брови, которыми столичные повитухи так щедро и бережно одаряли новорождённых младенцев при помощи ритуальных серебряных щипцов. Левая скула с математической жестокостью повторяла правую. Крылья прямого тонкого носа делили лицо на две абсолютно равные половины. Идеальный, безупречный овал.

Для любого жителя Обсидиан-Порта это зрелище было невыносимым, пугающим до тошноты. Словно из амальгамы глядела не живая девушка из плоти и крови, а механический автомат, выточенный бездушным фабричным станком. Мёртвая материя. Пустота, лишённая священного изгиба жизни.

Элизабет медленно провела кончиками пальцев по щеке, мысленно отсчитывая удары пульса. Раз, два, три, четыре. Пять, шесть, семь, восемь. Восемь — проклятое, слишком ровное число, делимое без остатка.

— Они называют это дефектом, мама, — тихо произнесла она, касаясь гладкой кожи под глазом. — Но мне не больно дышать. Мои кости не ноют перед сыростью, как ныли у отца.

— Замолчи! — мать метнулась к ней с неожиданной, птичьей стремительностью. От неё пахло горькой настойкой валерианы, соляной пылью и застарелым потом страха. Узловатая рука Агаты схватила упавшую повязку, комкая податливый шёлк. — Твой отец сгнил в соляных копиях именно за такие речи! За то, что прятал чертежи прямых углов! За то, что молился не Изгибу, а линейке! Ты хочешь кончить в общей яме, залитой негашёной известью?

— Он искал правду, — Элизабет не отвела взгляда от зеркала, но пальцы её сжались в кулаки.

— Правда — это то, что позволяет нам проснуться завтра живыми! — голос Агаты сорвался на сиплый шёпот. Она боязливо оглянулась на окно, чья рама была скошена в форме неправильной трапеции, как требовал городской устав.

За стеклом выл ветер, гнавший с Чёрного Залива ядовитые испарения. Где-то внизу, на булыжной мостовой, гулко ухал тяжелый дизельный насос, откачивавший мазутную жижу из сточных канав. Обсидиан-Порт никогда не засыпал полностью; он хрипел, скрежетал порш-

нями и истекал влагой, покрываясь коркой кристаллизованной соли, которая скрипела на зубах каждого прохожего.

Агата прижала скомканный шёлк к груди, её губы затряслись:

— Завтра должен прийти доктор Брандт. Я отдала ему отцовские часы с серебряной цепочкой, чтобы он зашёл в сумерках, через чёрный ход. Он обещал сделать надрез по височной кости. Крошечный, аккуратный надрез. Стянет кожу шёлковой нитью, бровь чуть поднимется, веко прикроется в благочестивом прищуре... Всего один шов, Элизабет! И всё кончилось бы. Ты стала бы как все. Ты смогла бы выходить за хлебом, не пряча лицо под тройной вуалью!

Элизабет медленно перехватила тонкое, обезображенное артритом и ритуальной деформацией запястье матери. Кости под кожей казались чужими, собранными вслепую, словно ветви терновника. Взгляд девушки стал твёрдым, холодным, как озерный лёд:

— Ты действительно веришь, что кривизна делает нас людьми?

— Она спасает нас от чистки! — выдохнула Агата, безуспешно пытаясь высвободить руку. В её выцветших глазах, расположенных на разной высоте, плескался первобытный ужас. — «Гладких кукол» не щадят, Лизи. Их либо отдают студентам-вивисекторам в анатомические театры Института, либо...

Договорить она не успела.

Снизу, со стороны парадной лестницы, донёсся тяжёлый, скрипучий шаг кованых сапог квартального почтмейстера. Следом раздался сухой, жестяной щелчок почтовой щели. Никакого стука в дверь. Только шуршание плотной бумаги, скользнувшей по вытертому половику в прихожей.

Агата замерла, побледнев так, что темные узлы вен на её висках проступили багровыми шишками.

Элизабет вышла в тёмный коридор. На полу у двери лежал тяжёлый конверт из грубой серой бумаги. От него исходил едва уловимый, но знакомый каждому в этом городе запах формалина и сушёной лаванды — так пахли архивы ведомства, следящего за чистотой плоти.

Вернувшись к дрожащему свету керосиновой лампы, Элизабет перевернула конверт. На лиловой сургучной печати Института Морфологического Согласия был оттиснут сломанный скальпель, пронзающий человеческий череп.

Пальцы её не дрожали, хотя сердце отбивало тот самый запретный, чёткий ритм: раз, два, три, четыре...

— Они уже знают, — тихо произнесла Элизабет, ломая сургуч. — Никакого доктора Брандта завтра не будет, мама. Это предписание на принудительную утилизацию в анатомический театр. Датировано сегодняшним числом. За мной придут на рассвете.

Агата покачнулась и осела на сундук, где под двойным дном лежали запрещённые отцовские книги с чертежами прямых, устремлённых в небо зданий. Её губы беззвучно шевелились, повторяя молитву Изгибу, но глаза, полные липкого отчаяния, уже лихорадочно искали выход. Единственный страшный выход, который оставался у матери, чтобы спасти своего монстра от ножей вивисекторов.

* * *

ГЛАВА 2: КОНТРАКТ ОТЧУЖДЕНИЯ

Воздух в гостиной был густым. Жжёный цикорий, дешёвый табак, мокрая шерсть шинели.

Элизабет замерла за портьерой. Тяжёлая бархатная ткань, выцветшая до цвета запекшейся крови, укрывала её в глубокой тени. Девушка считала про себя, усмиряя дыхание: раз, два, три, четыре... на восьми она делала короткий выдох. В этом доме даже вдох теперь казался актом неповиновения.

В комнате, освещённой лишь чадающей газовой горелкой, чьё пламя пульсировало в такт хриплому дыханию города, её мать сидела напротив человека в сером сукне. Лицо гостя было идеальным образцом покорности канонам Обсидиан-Порта: левую скулу пересекал глубокий рваный рубец, а правый глаз был заменён мутным стеклянным шаром, посаженным слишком высоко. Поверенный ярмарочной гильдии. Скупщик живого товара.

— Вы должны понимать, госпожа Вейн, — голос поверенного напоминал скрежет ржавой пилы по сырой кости. — Мой патрон предлагает вам милосердие. Оставить девку здесь — значит отдать её инспекторам Института. Они вскроют её симметрию заживо на глазах у трёхсот студентов медицины, чтобы показать им «природу первородного греха». Толпа не прощает безупречности. А в нашем балагане... в клетке... она будет сыта. И жива.

Мать, чьи искривлённые артритом пальцы нервно терзали кружевную салфетку, вцепилась в край стола так, что ногти побелели.

— Я знаю, — прошептала она, и в её шепоте не было материнской нежности — только леденящий, животный страх перед виселицей. — Я видела, что сделали с домом соседа, когда у его сына обнаружили прямой нос. Заколотили окна и сожгли вместе с семьёй... Я хочу, чтобы она жила. Пусть даже в клетке. Пусть даже она проклянет меня.

Элизабет почувствовала, как к горлу подкатывает холодная, горькая желчь. Она прижалась лбом к деревянной панели стены. Прямая, честная линия дерева слегка остудила её висок.

Её лицо — геометрическая ересь, за которую отец отдал жизнь в соляных шахтах, — теперь продавалось её собственной матерью. Цена её безупречности была оценена в несколько серебряных монет, которые сейчас тускло поблёскивали на столе рядом со стопкой плотной бумаги.

Она услышала, как поверенный тяжело поднялся. Скрип его кожаного протеза и глухой стук костыля о доски пола отозвались в ушах Элизабет ритмичным пульсом.

— Подпишите здесь, Агата, — сухо бросил он. — Лицензированный контракт «Отчуждения». С этой минуты она — собственность цирка Жана-Поля. Законный экспонат. Инспекторы Института не имеют права изымать зарегистрированное имущество гильдии развлечений. Это спасёт её голову. И вашу тоже.

Чиркнуло перо. Раздался тяжёлый вздох матери. Сделка совершилась. Поверенный забрал свою копию бумаги, застегнул шинель и, не прощаясь, вышел в сырую темноту коридора. Тяжёлая входная дверь захлопнулась, оставив в гостиной запах сырости и дешёвого табака.

Элизабет вышла из-за портьеры, едва касаясь пола носками туфель. Она двигалась с грацией, которую в этом мире считали проклятием — безупречно плавно, без благочестивых рывков и хромоты, присущих «нормальным» горожанам.

Мать не повернулась. Она продолжала смотреть в мутное окно, за которым туман с залива пожирал очертания кривых черепичных крыш. На столе лежали монеты — цена её идеального лица.

Элизабет молча подошла к секретеру отца. Дерево давно рассохлось, и замок поддался без труда. Внутри, завёрнутый в промасленную ветошь, лежал латунный штангенциркуль

с полустёртой гравировкой. Единственный инструмент в Обсидиан-Порту, который хранил истину чистой математики. Она сжала его в ладони. Холодный, прямой, бескомпромиссный металл. Элизабет спрятала его в глубокий рукав своего белого платья, чувствуя, как острые края упираются в запястье, напоминая: она всё ещё человек.

— Ты всё ещё надеешься, что твоя геометрия спасёт тебя, Лиззи? — тихо, безразлично спросила Агата, глядя на темнеющее стекло. — Брандт не успел бы. Инспекторы зажали бы нас в угол. А в цирке... там тебя не убьют. Ты привыкнешь к клетке. Ты полюбишь этот смех, потому что альтернатива ему — известь в расстрельном рву.

Элизабет открыла было рот, чтобы ответить, но слова застряли у неё в горле.

Снизу, со стороны мостовой, донёсся звук, от которого у обеих женщин перехватило дыхание. Это был не робкий стук почтальона и не шарканье калеки-соседа.

Это был оглушительный, уверенный в своей безнаказанности удар трости с тяжёлым костяным набалдашником прямо в парадную дверь.

Перевозчик из цирка Жана-Поля прибыл за своим новым экспонатом раньше срока.

ГЛАВА 3: ЧЕРНАЯ ЛОЗА

Удар повторился. От него задрожала тонкая филёнка двери, и с потолка прихожей посыпалась мелкая сухая побелка, похожая на перхоть старого дома. На мгновение показалось, что керосиновое пламя в лампе испуганно присело, вытянувшись в тонкую коптящую иглу.

Агата Вейн застыла на полпути к комоду, её изуродованные пальцы судорожно прижались к губам, заглушая готовый вырваться крик. Серебряные монеты на столе тихо зазвенели, соприкасаясь краями.

— Иди, — выдохнула она, не глядя на дочь. Голос её походил на шелест сухой соломы, которую гонит ветер по мостовой. — Иди, Лизи. Назад дороги нет. Если они войдут сюда... если инспекторы увидят нас вместе после подписания... нас обеих швырнут в известь.

Элизабет не шевельнулась. Она чувствовала, как латунный штангенциркуль, спрятанный в левом рукаве её простого белого платья, холодит кожу предплечья. Этот металл казался единственной твёрдой точкой во вселенной, которая прямо сейчас разваливалась на куски.

Она сделала вдох. Раз, два, три, четыре... На счёт «восемь» Элизабет шагнула в полумрак коридора.

Дверной засов поддался со скрежетом, который отозвался зубовым скрежетом где-то в глубине её собственного черепа. Тяжёлая дубовая дверь распахнулась, впустив внутрь ледяной сквозняк с залива. Вместе с ветром в прихожую ворвался густой, удушливый запах мокрой псины, гнилой капусты, дёгтя и дешёвых гвоздичных духов, которыми портовые балаганы пытались заглушить вонь немых тел и звериного помёта.

На пороге стоял человек огромного роста. Его фигура перекрывала тусклый свет газового рожка, горевшего на лестничной площадке. Из-под надвинутого на самые брови поношенного цилиндра виднелось лицо, лишённое переносицы — нос его представлял собой лишь две тёмные, криво прорезанные щели, придававшие ему сходство с черепом. Из огромного рта, искривлённого влево, торчал длинный жёлтый клык, прикусывающий нижнюю губу. Правое плечо гиганта было значительно выше левого, а рука, державшая трость с набалдашником из пожелтевшей лопаточной кости, казалась неестественно длинной, опускающейся почти до колена.

— Вейн? — прохрипел он, и этот звук походил на то, как если бы кто-то волочил тяжёлый сундук по гравию. — Элизабет Вейн?

— Да, — ответила она, заставляя свой голос звучать ровно. Её идеальная, математическая симметрия сейчас была открыта перед ним, не защищённая шёлковым бинтом.

Гигант уставился на неё своим единственным здоровым глазом — левый был затянута белёсой бельмовой плёнкой. В его взгляде не было ни удивления, ни жалости. Лишь тупое, профессиональное любопытство мясника, оценивающего тушу перед забоем. Он медленно протянул огромную, покрытую чёрным волосом ладонь и схватил Элизабет за подбородок. Его пальцы пахли табачной крошкой и прогорклым жиром.

Он повернул её голову влево, затем вправо, заставляя тусклый свет из прихожей упасть на её безупречные скулы.

— Проклятье... — пробормотал он со смесью брезгливости и восхищения. — Поверенный не врал. Гладкая, как могильная плита. Ни одного шва. Как её вообще земля носит? Хозяин будет доволен.

Он резко разжал пальцы и отступил на шаг назад, освобождая проход. Из темноты лестничной клетки потянуло сыростью.

— Живее, девка. Коляска внизу. У нас мало времени до того, как квартальные начнут утренний обход. Если инспекторы перехватят товар, Жан-Поль не станет воевать с Институтом ради одной красивой куклы.

Элизабет оглянулась назад. В глубине квартиры, у самого края светящегося дверного проёма гостиной, стояла Агата. Мать не сделала ни шагу навстречу. Она прижимала к груди скомканную повязку дочери, и её асимметричное, искажённое страхом и годами ритуальных деформаций лицо казалось чужой, страшной маской. Из темноты коридора она выглядела как одна из тех глиняных горгулий, что украшали карнизы собора Благословенного Изгиба.

— Прощай, мама, — тихо сказала Элизабет.

Мать ничего не ответила. Лишь тень её качнулась, когда она переступила с одной деформированной ноги на другую, и дверь гостиной медленно захлопнулась, отрезав последний источник тепла.

Гигант схватил Элизабет за плечо. Его хватка была железной, пальцы почти вдавились в ключицу. Он без церемоний потащил её вниз по крутой спиральной лестнице. Ступени, покрытые липкой соляной коркой, скользили под её тонкими туфлями. В доме было тихо; соседи, чьи квартиры были заперты на три оборота замка, затаились. В Обсидиан-Порту все знали: если ночью на лестнице раздаётся стук тяжёлых сапог и хриплые голоса — нужно притвориться мёртвым.

Они вышли на улицу. Над городом висел плотный, зеленовато-серый туман, пришедший с Чёрного Залива. Он был таким густым, что пламя редких уличных фонарей казалось грязными жёлтыми пятнами, застывшими в желеобразной массе. Из темноты доносился монотонный, глухой стук поршней — это в доках откачивали тяжёлую воду из доков Института.

У обочины ждал экипаж.

Это был странный, пугающий дилижанс, создававший ощущение безумия одним своим силуэтом. Его кузов не был сделан из привычного крашеного дерева. Он был сплетён из толстой чёрной лозы, из-за чего экипаж походил на гигантский, уродливый кокон какого-то ископаемого насекомого. По бокам лоза рассохлась и пошла трещинами, сквозь которые проглядывала ржавая железная рама. Четыре колеса дилижанса были разного диаметра — заднее правое было заметно больше левого, из-за чего весь кузов стоял под сильным, неестественным наклоном, словно готовый в любую секунду завалиться набок.

В упряжке стояла костлявая лошадь болотной масти. Её левое ухо было срезано под корень, а правая задняя нога имела странный, лишний сустав, из-за чего животное непрерывно переминалось с ноги на ногу, издавая сухой костяной стук.

Гигант распахнул плетёную дверцу. Изнутри пахло сырой соломой, дешёвой пудрой и застарелым уксусом, которым обычно вымывали следы рвоты.

— Полезай, — буркнул он, подталкивая Элизабет в спину.

Она поднялась по шаткой железной подножке и шагнула в темноту. Дверца за ней захлопнулась со звуком ломающихся сухих ветвей. Снаружи щёлкнул тяжёлый засов.

Внутри дилижанса царила абсолютная тьма. Элизабет нащупала руками узкую деревянную скамью, обитую грубой, сопревшей кожей. Экипаж вздрогнул. Лошадь потащила его по неровной булыжной мостовой, и с первых же секунд Элизабет поняла, почему колёса были разного размера. Дилижанс не ехал — он двигался рваными, хромающими толчками. Каждые два оборота кузов резко ухал вниз, заставляя зубы Элизабет больно ударяться друг о друга, а затем со скрипом поднимался обратно.

Она прижалась лицом к плетёной стене, пытаясь рассмотреть хоть что-то сквозь узкие щели между чёрными прутьями лозы.

Город проплывал мимо уродливыми, искажёнными фрагментами. Дома Обсидиан-Порта, выстроенные по строгим законам Священного Изгиба, казались пьяными. Окна трапециевидной формы, скошенные крыши, кривые дымоходы, уходящие в небо под углом в сорок пять градусов — всё это создавало ощущение затянувшегося кошмара. Мир словно плавился под воздействием какой-то подспудной, ядовитой болезни.

Элизабет опустила руку в рукав и коснулась латунных ножек штангенциркуля. Пальцы её скользнули по холодному металлу. Она прикрыла глаза и начала считать про себя, пытаясь перебить тошнотворный, аритмичный ритм движения экипажа.

Раз, два, три, четыре. Пять, шесть, семь, восемь.

Внезапно из глубины кузова, прямо за её спиной, раздался тихий, свистящий вздох.

— Не считай, куколка, — прошепел из темноты чей-то тонкий, надтреснутый голос. — В этом городе чётные числа не приносят удачи. Спроси у нашего Жана-Поля. Он сам отрубил себе два пальца на левой руке, просто чтобы изгадить эту мертвенную, ровную пятипалую симметрию. Изувечил ладонь, оставил только три пальца, лишь бы не носить дьявольское клеймо одинаковых рук. А ты... ты слишком ровная, девочка. От тебя пахнет смертью.

ГЛАВА 4: БЕЗДЫХАННЫЕ УЗОРЫ

В полумраке кареты, полосатом от лунного света, пробивавшегося сквозь щели плетёного кузова, Элизабет не сразу разглядела свою спутницу. Из кучи прелой соломы в углу поднялся силуэт — маленький, угловатый, похожий на брошенную тряпичную куклу.

Раздался сухой шорох, и полоса холодного сине-серого света легла на лицо говорившей.

Это была девочка лет пятнадцати. Её лицо было пугающе, невыносимо чистым. Ни единого нароста на висках, ни следа ритуального шрама, ни благословенной косоты глаз. Кожа её была бледной, ровной и матовой, как отполированный речной сланец, из-за чего лицо казалось неподвижной маской. Два абсолютно одинаковых серых глаза смотрели на Элизабет на одной высоте. Они моргали одновременно — синхронно и механически, что вызывало у любого нормального жителя Обсидиан-Порта приступ суеверной тошноты.

— Меня зовут Марта, — прошептала девочка. Голос её, лишённый привычной для горожан хрипоты или свиста, звучал чисто и звонко, как маленький серебряный колокольчик. Для этого мира такой чистый звук был признаком мёртвой пустоты внутри. — Илистая Марта. Так написано на моей табличке. Я сижу в третьем ряду, между Двуруким Мальчиком и Прямоходящей Женщиной. А ты... ты новая звезда Жана-Поля? Наша «Мёртвая кукла»?

Элизабет медленно кивнула, чувствуя странное, облегчающее родство с этой девочкой. Впервые в жизни она видела перед собой человека, чьё лицо не было изрезано скальпелем или деформировано от рождения.

— Ты не бойся, — Марта потянулась к ней тонкой рукой. Её ладонь была безупречной: пять длинных ровных пальцев, аккуратные ногтевые пластины. Никаких сросшихся фаланг или лишних суставов. — Жан-Поль тебя не тронет. Он злой, но он купец. Он знает, сколько стоит наша гладкость. Любой калека в городе отдаст последний грош, чтобы прийти в шатёр и плюнуть в твоё идеальное лицо. Знаешь почему?

— Потому что мы кажемся им уродливыми? — тихо спросила Элизабет, касаясь латунного штангенциркуля в рукаве.

— Хуже, — Марта тихо, грустно улыбнулась. Её губы разделились по абсолютно ровной линии, без привычного для горожан скоса. — Мы кажемся им неживыми. Священники в соборе Благословенного Изгиба говорят, что прямая линия — это след дьявольского циркуля. Живая плоть должна извиваться, цвести наростами, расти вкривь и вкось, как дикий терновник. А мы... мы как надгробные плиты, выточенные бездушным станком. На нас нет священного знака Изгиба. Они смотрят на нашу симметрию и радуются своим горбам. Наше совершенство делает их счастливыми. Оно доказывает им, что они — живые, созданные по образу Небесного Свода, а мы — просто пустые кожаные мешки.

Карета снова ухнула вниз на неровном стыке мостовой. Колёса разного диаметра заставляли кузов хромать, но Элизабет упрямо держала спину ровно.

— А доктор Брандт? — спросила она. — Моя мать верила, что его нож сделает меня нормальной.

— Брандт? — Марта горько усмехнулась. — Брандт — обычный мясник. Он обещает матерям «исправить» их детей, натягивает кожу нитками, ломает кости колыбельными щипцами. Но плоть помнит свою форму, Лиззи. Наша симметрия слишком сильна, она отторгает хаос. Его швы гниют и лопаются через месяц, оставляя лишь грязь. Ты не сможешь стать одной из них. Твои клетки делятся слишком поровну. Ты — чертёж, а не живой человек. И этот чертёж они запрут в клетку.

Элизабет прижала пальцы к своей щеке. Прохладная, гладкая, безупречная кожа. Ей вспомнились отцовские книги с рисунками великих храмов прошлого. В их прямых углах и

стройных колоннах не было уродства. Там была гармония, которую этот безумный город объявил скверной.

— Я не стану частью их балагана, — тихо, но твёрдо произнесла она.

Марта посмотрела на неё своими одинаковыми, чистыми глазами, в которых отразился далёкий свет факела, пробившийся сквозь щель в лозе.

— Все так говорят сначала, куколка, — тихо вздохнула девочка, снова зарываясь в солому. — Но голод и ржавые прутья умеют ломать даже прямые линии. Когда тебя три дня не кормят, а снаружи пьяные матросы тычут в твои рёбра острыми палками, чтобы проверить, насколько мягкая у тебя кожа... ты научишься стоять смирно. Мы все научились.

Дилижанс резко затормозил. Раздался пронзительный скрежет железа, и лошадь с лишним суставом издала хриплый, прерывистый выдох.

Снаружи послышались грубые голоса, звон цепей и тяжёлые шаги. Засов на плетёной дверце дилижанса со скрипом сдвинулся назад.

— Приехали, товар! — проревел безносый гигант Руфус, распахивая дверь. — Вылезайте наружу. Хозяин ждёт.

Элизабет шагнула к выходу, но перед самым порогом Марта схватила её за край платья своей тонкой, гладкой ладонью.

— Спрячь свой взгляд, Лиззи, — прошептала она, и её ровные глаза испуганно расширились. — Жан-Поль не любит, когда на него смотрят прямо. Всегда наклоняй голову. Делай вид, что ты сломана. Живые куклы долго не живут.

Элизабет аккуратно высвободила ткань из её пальцев, шагнула на ржавую подножку кареты и спустилась в сырую, пахнущую солью и дёгтем темноту портовой площади, где над туманом высился огромный, кривой купол бродячего цирка.

ГЛАВА 5: ТРЕСНУВШИЙ КУПОЛ

Холодный воздух Чёрного Залива мгновенно ударил в лицо, принеся с собой тяжёлую смесь запахов: гнущейся бурой тины, рыбьей чешуи, дешёвого угольного дыма и прогорклого сала. Элизабет поправила подол белого платья, стараясь не наступить в вязкую чёрную жижу, покрывавшую портовую площадь.

Перед ними высился бродячий цирк Жана-Поля.

Это было чудовищное сооружение, сотворённое из сотен разномастных кусков парусины, старых корабельных снастей и гнилого бархата. Купол цирка не имел правильной округлой формы — он был перекошен на правый бок, напоминал огромную, осевшую под собственной тяжестью раковину. Опорные деревянные мачты уходили в серое небо под разными углами; некоторые из них были нарочито искривлены, стянуты стальными обручами, словно деформированные кости великана.

— Шевелись, кукла, — безносый гигант Руфус грубо подтолкнул её в спину своей длинной, похожей на ветку рукой.

Элизабет сделала шаг вперёд. Марта тихо скользнула следом, стараясь держаться в тени её широкого белого подола.

У входа в главный шатёр, на перевёрнутом ящике, сидел хозяин цирка — Жан-Поль. Его правое плечо было выгнуто вверх, а левая рука заканчивалась лишь тремя пальцами. Он медленно поднял голову, и его единственный здоровый левый глаз впился в лицо Элизабет.

— Привёл, Руфус? — голос Жана-Поля оказался неожиданно вкрадчивым, похожим на шорох шёлковой ленты.

— Привёл, хозяин, — гигант почтительно склонил голову. — Гладкая, как стекло. Ни одного изъяна.

Жан-Поль медленно поднялся с ящика. Опираясь на короткую трость с серебряной головой шута, он подошёл к Элизабет. От него пахло дорогим помадным воском, кислым вином и лавандовым мылом.

Он поднял свою трость и холодным серебряным набалдашником приподнял её подбородок, заставляя смотреть прямо на себя. Элизабет не отвела взгляда. Она смотрела прямо в его лицо, не мигая, мысленно отсчитывая удары пульса. Раз, два, три, четыре...

— Какое кощунство... — прошептал Жан-Поль, и его изуродованный рот дёрнулся. — Какая отвратительная, бездушная симметрия. В тебе нет ни капли божественной искры хаоса, девка. Ты выглядишь так, словно тебя отлили в чугунной форме на фабрике. Мёртвая машина. Но толпа... О, толпа будет в восторге. Они принесут свои гроши, чтобы посмотреть на это убожество. Ты принесёшь мне много золота, кукла.

— Я не стану играть для них, — тихо сказала Элизабет.

Жан-Поль замер. Его единственный глаз сузился, превратившись в узкую щёлочку. Он медленно опустил трость и приблизил своё лицо к её лицу так близко, что она почувствовала тепло его дыхания.

— А тебе и не нужно играть, — прошептал он, и его трёхпалая рука внезапно взметнулась вверх, сжав её горло. Хватка его была удивительно сильной. — Твоё дело — просто быть. Стоять там, где тебе приказано. И принимать всё, что в тебя полетит. Если будешь послушной — получишь тёплую похлёбку. Если вздумаешь бунтовать — я отдам тебя анатомам Института. Они давно мечтают препарировать симметричную девку, чтобы понять, почему твоё сердце бьётся так ровно. Ты поняла меня?

Он резко разжал пальцы. Элизабет покачнулась, судорожно втянув в себя сырой портовый воздух, но удержалась на ногах. Она не опустила голову.

— Руфус! — крикнул Жан-Поль. — Отведи её в третий сектор. Клетка номер семь. И повесь на неё табличку.

Руфус схватил её за плечо и поволок в темноту шатра.

Внутри цирка огромное пространство под парусиновым куполом было заполнено деревянными вольерами и железными клетками, расположенными по кругу вокруг грязной арены. В полумраке копошились тени. Но эти тени не были деформированными. Это были узники «симметрии».

Элизабет увидела в одной из клеток мальчика лет двенадцати. Он сидел на коленях, положив перед собой две абсолютно одинаковые руки. На каждой руке было ровно по пять тонких пальцев — без единого лишнего сустава, без благословенного утолщения фаланг. Мальчик смотрел в одну точку своими одинаковыми карими глазами, а его спина была неестественно, уродливо прямой. На его клетке висела табличка: «Пятипалый Идол. Механическое дитя».

Чуть дальше, в более просторном вольере, стояла женщина. Её фигура была безупречной по меркам древней геометрии: длинная, ровная шея, симметричные плечи одинаковой высоты, безупречно прямая осанка. Она медленно расчёсывала свои гладкие, идеально ровные волосы костяным гребнем, а её лицо казалось высеченным из холодного мрамора. Обычные люди Обсидиан-Порта плевали в её сторону, проходя мимо, содрогаясь от этой безжизненной, мертвенной статичности. На её вольере красовалась надпись: «Каменная Дева. Проклятие Осанки».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.